

КОНЦЕПТЫ И ИДЕОЛОГИЯ В ТРАНСФОРМАЦИЯХ ДИСКУРСОВ И НАРАТИВОВ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Татьяна Власова

*Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта
имени академика В. Лазаряна*

Аннотации:

С философской точки зрения аргументируется позиция, относительно которой способы организации «плана содержания» разнятся от языка к языку в зависимости от наполнения понятий концептуальной «включенности» исследователя, а также взаимосвязи «картины мира» и «жизненного мира» в определенном социокультурном контексте. Поскольку «план содержания» и «концепт» всегда соответствуют друг другу, их связь с идеологией представляется бесспорной. Фундаментальной идеологической задачей постмодернизма остается задача координации новых форм практик культуры с новыми формами экономического производства, поскольку взаимосвязь культуры и экономики является сложной «петлей» их взаимодействия и взаимовлияния.

Власова Татьяна. Концепты та ідеологія в трансформаціях дискурсів і наративів постмодернізму.

З погляду філософії аргументується позиція, згідно з якою способи організації «плану змісту» різняться від мови до мови, залежно від наповнення понять концептуальної «включеності» дослідника, а також взаємозв'язку «картини світу» й «життєвого світу» в певному соціокультурному контексті. Оскільки «план змісту» й «концепт» завжди відповідають один одному, то їх зв'язок з ідеологією незалежний. Фундаментальним ідеологічним завданням постмодернізму залишається завдання координації нових форм практик культури з новими формами економічного виробництва, оскільки взаємозв'язок культури та економіки є складною «петлею» їх взаємодії й взаємовпливу.

Vlasova Tetiana. Concepts and ideology in the transformations of discourses and narratives of postmodernism

In the article from the philosophical point of view the position is argued, in relation to which the methods of organization of "plane of content" differ from language to language depending on the meaning of concepts of conceptual participation of a researcher, and on intercommunication of "world picture" and "vital world" in a certain sociocultural context. As a "plane of content" and "concept" always correspond to each other, their connection with ideology appears indisputable. The fundamental ideological task of postmodernism is a task of co-ordination of new forms of practices of culture with the new forms of economic production, as intercommunication of culture and economy is the difficult "loop" of their co-operation.

Ключевые слова:

постмодернизм, культура, концепт, картина мира, контекст, диалог, идеология, политика, субъект.

постмодернізм, культура, концепт, картина світу, контекст, діалог, ідеологія, політика, суб'єкт.

postmodernism, culture, concept, world picture, context, dialogue, ideology, politics.

Фундаментальные сдвиги социокультурных «тектонических плит» смыслообразующих философских понятий позволяют утверждать, что сегодня проблема «концепта», «идеи», «феномена» или «вещи» является не менее актуальной, чем это было сто или тысячу лет тому назад. На возможность оформления новой системы мировоззрения, радикально отличающейся от всех присутствующих в современной культуре, указывал, например, М. Элиаде, когда писал о том, что человек тысячелетиями ничего не менял в своем отношении к миру, «существуя в вечности», тогда как современные люди живут в рамках «времени», что неизбежно устанавливает иные представления о себе и о мире [11, с. 140–141]. Бесспорно, классическое философское наследие продолжает развиваться и дорабатываться, но тот «синдром усталости», тот общий дух неприятия стиля теоретического осмысления реальности, который был выработан предшествующими столетиями классической философии, находят отражение также и в том, что в постмодернизме образ мира «как он есть» сменяется представлением мира в определенных лингвистических конструкциях, определяемых социокультурными процессами, в свою очередь, отягощенными идеологией и структурой

властных отношений. Более того, лингвистический сдвиг постмодернизма радикальным образом повлиял на позицию ученого, который не является более объективным наблюдателем: в постмодернизме «точка зрения» всегда включает того, кто «наблюдает», «видит», «смотрит» («The view contains the viewer»). Поскольку план содержания (концепт, субстанции, формы) и план выражения (континуум языка и речи) представляют собой дихотомию неразрывно связанных частей, то приоритетным вопросом в теории постмодернизма становится именно лингвистическое конструирование повседневной жизни. Отсюда – то особое место, которое занимают темы концепта и дискурса в теориях и положениях постмодернистов.

Как утверждают ученые, способы организации содержания разнятся от языка к языку, иногда и в зависимости от того, что мы понимаем под общеупотребительным узусом языка и его научным узусом. Исходя из многих характеристик, то, что У. Эко называет «естественным языком», рассматривается как политическая система: будучи структурированным определенным образом «естественный язык» предполагает определенное видение мира [11, с. 31]. «Контекстуальная

включенность» исследователя-постмодерниста с неизбежностью выводит на проблему «картины мира», «горизонта» и «жизненного мира».

Как известно, термин «картина мира» был введен в научный обиход физиком Г. Герцем, определившим его как совокупность внутренних образов внешних объектов, служащих для выведения логических суждений о поведении этих объектов. Позднее термин появляется в работах К. Яспера, Л. Виттгенштейна, Л. Вайсгербера. На данный момент можно говорить о безусловном вхождении понятия «картина мира» в терминологическую систему и философии, и лингвистики, и культурологии [8, с. 33]. «Жизненный мир» – понятие философии, занимающее центральное место в поздней феноменологии Гуссерля. Жизненный мир – это мир нашего повседневного опыта, не отягощенного ещё никакими научными знаниями. Как таковой он не осознается нами непосредственно и сохраняет статус полной анонимности, поэтому мы заслоняем его научной «картиной мира» и исходим не из докисического опыта чистых интуиций, а из предикативного опыта научных конструктов, полагая, что эти последние и образуют аутентичное представление о мире [9, с. 58].

Обращаясь к понятию «метаязыка», собственно, к термину «метаязык», следует вспомнить, что «метаязык» является «техническим языком» (например, структурализм или постструктурализм), разработанным для описания свойств общего языка; однако Л. Виттгенштейн ещё в 20-х гг. прошлого века выступил против таких ограничений логики, как метаязык. Сегодня теоретики доказывают: привилегированная или «мета»-лингвистическая позиция – это мираж, созданный самим языком. Структурализм, семиология и другие формы металингвистики, обещавшие избавление от загадки «значения», вернули всё и всех к языку, («выхода нет»), в качестве следствия вызвав опасность релятивистского, скорее, нигилистского взгляда на природу разума человека [12, с. 76].

Целью работы является философский анализ связи концептов в функции социокультурных основоположностей идеологии, практики которой лежат в основе плана «изготовления» концептов.

Ещё в начале XX в. было выявлено, что вопрос о статусе картины мира связан с проблемой взаимодействия языка, мышления и действительности. Показательна в этом отношении и неогумбольдтианская концепция языка как промежуточного мира. Поскольку утверждалось, что концептуализация мира осуществляется через язык, в 70-х гг. XX в. вопрос о соотношении мира, его образа, существующего

в сознании, и образа, закрепленного в языке, оказался в центре внимания исследователей. Постановка подобной проблемы способствовала выделению двух форм картины мира – концептуальной и языковой. Здесь важно подчеркнуть мысль У. Эко о том, что при выборе между многими возможными универсальными языками последнее слово осталось за «нарративным типом»: «Исчезли египтяне, хранители первоначального языка, совершенного и божественного, но остался миф, текст без кода или утраченным кодом, над которым мы неустанно бдим, тшась из последних сил постичь его тайный смысл» [11, с. 185].

Необходимо заметить, что сам перевод английского слова «concept» первоначально вызывал вопросы: предлагалось переводить его как «понятие»; «concepts» – как «смысловые элементы»; «conceptually based» – как «семантически ориентированный». С утверждением слова «концепт» в терминологической системе формируются новые термины, например, концептосфера, концептуализация, концептуальный фон и многие другие. Тем не менее, до сих пор отсутствует однозначное толкование термина «концепт», и множество дискуссионных вопросов связано со статусом концепта, его структурой, особенностями вербализации и т. п. Концепт в наши дни является одним из центральных терминов и когнитивной лингвистики, и межкультурной коммуникации. Говоря о концептах как единицах коммуникации, мы придерживаемся мнения о том, что в широком понимании концепт – это смысл. Концептом имени (знака) Готтлоб Фреге, одним из первых сформировавших эту точку зрения, считал смысл знака [10, с. 352–361]. Опираясь на идеи о «заместительной особенности концептов», Д. Лихачев утверждает: суть концепта заключается в подстановочной роли в языке. Очень важной представляется мысль ученого о том, что концепт не возникает прямо из значения слова, а является результатом «столкновения» словарного значения слова с «личным» и народным опытом человека. Слово предстает как потенциальный дискурс, культура и концепт – фракталы; если культура – это макросистема, то концепт представляет собой микросистему. Концепт порождает коммуникацию в системе «культура» и порождается ею. Б. Рассел, обращаясь к данной тематике, утверждает: для того, чтобы человек мог в дальнейшем употреблять то или иное слово, он должен ассоциировать это слово с каким-нибудь заметным предметом действительности, а также ассоциировать с «идеями» или «мыслью» об этом предмете [6, с. 11]. Стоит, однако,

вспомнить о том, что концепт возникает в субъектной форме, и привести в качестве примера мысль Дж. Свифта о том, что слова суть только названия вещей, с другой стороны, можно процитировать А. Рембо: «В конце концов... всякое слово есть идея» [11, с. 10].

Что же касается философии, то Ж. Делез и Ф. Гваттари пишут: именно философ изобрел концепты и начал мыслить ими. Философ – «друг концепта», он находится в потенциальной зависимости от концепта. Это значит, продолжают теоретики, что «... философия – не просто искусство формировать, изобретать или же изготавливать концепты, ибо концепт – это не обязательные формы, находки или продукты. Точнее будет сказать, что философия – дисциплина, состоящая в творчестве концептов. ...творить все новые концепты – таков предмет философии» [4, с. 9].

Мыслители подчеркивают: концепты не ждут нас уже «готовыми», их должны изобретать, изготавливать или, скорее, творить. Ницше так характеризовал задачу философии: «Философы должны не просто принимать данные им концепты, чтобы чистить их и наводить на них лоск; следует прежде всего самим их производить, творить, утверждать и убеждать людей ими пользоваться» [4, с. 10]. Поскольку концепты всегда несли и несут на себе «личную подпись», их связь с идеологией представляется бесспорной. Ведь, как утверждают теоретики, «концепт» и «план» всегда соответствуют друг другу; сама философия – это конструирование, а конструирование включает два взаимодополнительных и разнородных аспекта – «создание концептов и начертание плана» [4, с. 43].

М. Фуко особо выделяет роль литературы в постмодернизме (как известно, «Постмодерн – это самоосознанное искусство внутри архива, и этот архив является и историческим и литературным»), следует также вспомнить утверждение Ж. Делеза о том, что все великие писатели являются в то же время великими философами. Оптимальным для Ж. Делеза является вариант, когда философ создает одновременно и концепт, и персонаж, сходящиеся в одной фигуре. Блестящим примером тому служит Заратустра у Ницше. В то же время литература всегда привлекает Делеза (наряду с другими постмодернистами) как область, ускользающая от идеологии и противопоставляющая ей свою «тихую революцию». «Литература – это некая сборка, у неё нет ничего общего с идеологией, идеологии нет и никогда не было», – писали Делез и Гваттари [5, с. 430]. Однако с последним трудно согласиться: можно привести великое множество

знаменитых произведений, являющихся – эксплицитно или имплицитно – «рупором идей» автора – романиста, поэта или драматурга. Упомянем культового Д. Лоуренса – знаменитого неоромантика-иррационалиста, автора «Сыновей и любовников», «Любовника леди Чаттерлей» и других культовых произведений. Лоуренс, например, писал об американцах, как о людях, живущих «головой», ненавидящих европейскую непосредственность, демоничных и разрушительных; об американской душе как о жестокой, стоической убийце, призывая сорвать демократическую и идеалистическую оболочку с американской формы выражения и т. п. [14].

Согласимся со знаменитым литературоведом С. Фишем, который видит смысл литературного произведения не в той информации, которую читатель получает при ассимиляции «референтного поля» произведения, но в том впечатлении, которое возникает у читателя в процессе чтения, в той деятельности, которую вызывает у него язык произведения [13]. Здесь можно вспомнить и то, что, по Барту, идеология – это мифическое построение, определенное социальными интересами; по Майнгейму, – субъективное отражение современной деятельности конкретными социальными группами. Данное К. Марксом классическое определение идеологии гласит, что идеологическим утверждением зовется такое, где под видом объективного преподносится тенденциозное. По Марксу, за распространение идеологии в значительной степени ответственен правящий класс: «Идеология, господствующая в обществе, есть идеология господствующего в нем класса». Однако эти взгляды, по справедливому замечанию ученых, не были бы так прочны, если бы воспринимались как навязанные силой: «... идеология выпускается в общество как газ, лишенный цвета и запаха» [2, с. 208]. Идеология пронизывает газеты, журналы, рекламу, телевизионные программы, учебники, интернет, маскируя однобокое, нелогичное и часто несправедливое мировоззрение под вечные истины. На протяжении истории немало типических идей возводилось в ранг естественных. Например, как непреложный факт подавалась идея о том, что мужчине изначально дано повелевать женщиной, что это вечное установление, которое мы не в силах и не в праве изменить, и т. д.

Знаменитый испанский мыслитель Х. Ортега-и-Гассет, одним из первых обративший внимание на феномен толпы, носительницы «массового сознания», ещё в 30-е годы XX столетия отмечал то обстоятельство, что толпа не возникает ниоткуда; то, что она превращается в наглядную социальную силу, есть результат давно идущих процессов.

Как подчеркивал испанский философ, жизнь «человека-массы» лишена всяких самозапретов, и поэтому вместо диалога толпа просто навязывает остальным свое мнение, считая его единственно правильным и единственно возможным [7]. Нежелание, неспособность увидеть в «чужих» «возможных себя» заставляет людей с особым старанием замыкаться в окружении «своей группы», «своего коллектива». Идеология называет врага, и если он принят человеком, то культивация единства становится его личным самостоятельным делом.

Однако субъект политики – это всегда коллективный субъект, политическое «мы». Все политические «мы» существуют как конечные акторы, хотя и включенные в круги более широких систем взаимодействия. С одной стороны, эти «мы» могут быть сгруппированы по разным признакам: физические или экономические связи, общий язык, общие ценности или убеждения, выработка каналов коммуникации, позволяющих людям узнавать друг друга и общаться посредством манипулирования общими символами и знаками. Политически актуальное общее – это связка идей, символов, образов, превращающая конфликтные частные интересы в единое направление – политическое «мы». Именно здесь роль дискурса трудно переоценить, именно дискурс создает явления публично-политической жизни, делает возможным формирование идентичности политического субъекта. Однако известно: «Нет субъекта без объекта». Отмечая особую роль «Другого» в формировании различных практик субъективации, исследователи видят решение проблемы «Дружеского» в русле гуманистического диалога. Диалоги «Я–Ты», «Я–Мы», «Я–Другой», «Я–Чужой» обнаруживают различные возможности видения одной и той же предметной ситуации. Поэтому переход от «одномерных» проекций действительности, создаваемых средствами идеологии в тоталитарных обществах, к «стереоскопической» картине мира предполагает постоянную взаимосвязь людей, их постоянное общение; общение, осуществляемое как друг с другом, так и с представителями качественно иных культурных систем [3].

В человеческом обществе коммуникация предполагает «услышанность» и «ответность», и,

говоря о коммуникации, невозможно не упомянуть теорию М. М. Бахтина. Философская модель М. Бахтина есть «диалогическая система»; коммуникативные отношения у М. Бахтина – это диалогические отношения, которые ученый определяет как особый тип смысловых отношений, выходящих за рамки реального диалога, будь то житейская беседа, научная дискуссия или политический спор. Самое страшное, полагает философ, «не быть услышанным» [1].

До недавнего времени в большинстве культур, существующих на Западе, продолжали сохраняться ориентиры, сложившиеся еще в рамках мифологического сознания и направленные на создание образа упорядоченной, гармонизированной действительности. Теоретическое сознание постмодернизма данный образ последовательно разрушает: в постсовременной «множественной» Вселенной надеяться на какую-то однозначность невозможно. В своем отказе от общего языка культуры, отказе от некой «центральной» точки зрения (Нагорная проповедь уже не занимает свое прежнее место в христианской культуре западноевропейского общества) постмодернизм абсолютизирует автономность индивидов, их индивидуацию. Фундаментальной идеологической задачей самого концепта «постмодернизм» должна, однако, оставаться задача координации новых форм практики, социальных и ментальных устоев с новыми формами экономического производства, глобальным разделением труда и т. д., поскольку взаимосвязь культуры и экономики является не «улицей с односторонним движением», но своего рода «петлей» взаимодействия и взаимовлияния. Но так же, как новые внутренне направленные эстетические и религиозные ценности, нагруженные идеологией, всегда производят «новых людей», и постмодерн следует рассматривать как производство людей, способных функционировать в совершенно особенном социоэкономическом мире, мире, чья структура, чьи объективные черты и требования смогут конституировать ситуацию, в которой концепт постмодернизма будет ответной реакцией, откликом, который сможет дать нам нечто большее, чем Теорию, пусть даже с большой буквы.

Список использованных источников

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М. : Искусство, 1979. — 424 с.
2. Боттон А. Озабоченность статусом / А. Боттон // Иностранная литература. — 2012. — № 1. — С. 188—211.
3. Гусев С. С. Смысл возможного / С. С. Гусев. — СПб. : Алетейя, 2002. — 192 с.

References

1. Bakhtin, M. M. (1979). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow : Art [in Russian].
2. Botton, A. (2012). *Concern for Status*. In : *Foreign Literature*. 1, 188—211 [in Russian].
3. Gusev, S. S. (2002). *The Meaning of the Possible*. SPb. : Aletheia [in Russian].
4. Deleuze, G. (2000). *What is Philosophy?* Moscow :

4. Делез Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари. — М.: Академический Проект, 2000. — 261 с.
5. Дьяков А. В. Жиль Делез. Философия религии / А. В. Дьяков. — СПб.: Алетейя, 2013. — 504 с.
6. Красиков В. И. Концепты в функции философских основоположностей / В. И. Красиков // Язык, этнос, картина мира. — Вып. 1. — Кемерово, 2003. — С. 7—16.
7. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет. — М.: Искусство, 1991. — 502 с.
8. Пименова М. В. Концептуальные исследования. Введение / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. — М.: Флинта-Наука, 2011. — 176 с.
9. Свасьян К. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика / К. Свасьян. — М.: Академический Проект, 2010. — 206 с.
10. Фреге Г. Смысл и денотат / Г. Фреге // Семиотика и информатика. — М., 1997. — С. 352—361.
11. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / У. Эко. — СПб.: Alexandria, 2009. — 417 с.
12. Appignanesi R. Introducing Postmodernism / R. Appignanesi, C. Garrat. — London: Icon Books, 2007. — 189 p.
13. Fish S. Literature in the Reader. Affective Stylistics / S. Fish // A Journal of Theory and Interpretation. — 1970. — № 2.1. — P. 123—162.
14. Lawrence D. H. The Symbolic Meaning: The Uncollected Versions of Studies in Classical American literature / D. H. Lawrence. — London: Centaur Press, 1962. — 276 p.
5. Dyakov, A. V. (2013). *Gilles Deleuze. Philosophy of Religion*. SPb.: Aletheia [in Russian].
6. Krasikov, V. I. (2003). *Concepts and Functions of the Main Bases in Philosophy*. In: *Language, ethnicity, picture of the world*. Vol. 1. 7—16 [in Russian].
7. Ortega-y-Gasset, J. (1991). *Aesthetics. Philosophy of Culture*. Moscow: Art [in Russian].
8. Pimenova, M. V. (2011). *Conceptual Studies. Introduction*. Moscow: Flinta-Nauka [in Russian].
9. Swassjan, K. (2010). *Phenomenological Knowledge. Propaedeutics and Criticisms*. Moscow: Academic Project [in Russian].
10. Frege, G. (1997). *Meaning and Denotation*. Moscow [in Russian].
11. Eco, U. (2009). *Finding the Perfect Language in the European Culture*. SPb.: Alexandria [in Russian].
12. Appignanesi, R. *Introducing Postmodernism*. London: Icon Books [in English].
13. Fish, S. (1970). *Literature in the Reader. Affective Stylistics. A Journal of Theory and Interpretation*. 2.1, 123—162 [in English].
14. Lawrence, D. H. (1962). *The Symbolic Meaning: The Uncollected Versions of Studies in Classical American literature*. London: Centaur Press [in English].

Сведения об авторе:

Власова Татьяна Ивановна
vlasovat@inbox.ru

Днепропетровский национальный университет
железнодорожного транспорта
имени академика В. Лазаряна,
ул. Лазаряна, 2, г. Днепр,
Днепропетровская обл., 490010, Украина
doi: <http://dx.doi.org/10.7905/vers.v0i8.1448>

Поступила в редакцию: 06. 07. 2016 г.
Принята к печати: 25.08.2016 г.

Information about the author:

Vlasova Tetiana Ivanivna
vlasovat@inbox.ru

Dnipropetrovsk National University of Railway Transport
named after academician V. Lazarian,
2 Lazariana St., Dnipro,
Dnipropetrovsk region,
49010, Ukraine
doi: <http://dx.doi.org/10.7905/vers.v0i8.1448>

Received at the editorial office: 06. 07. 2016.
Accepted for publishing: 25.05.2016.